

Андрей Кивинов

Вертикаль

Андрей Кивинов

Вертикаль

«Автор»

2011

Кивинов А. В.

Вертикаль / А. В. Кивинов — «Автор», 2011

«Порой так нестерпимо хочется поверить в чудо. Когда, к примеру, видишь раскуроченные петли на дверях собственной дачной недвижимости. И замок, который валяется под припорошенной снегом скамейкой, словно боец, трусливо сбежавший с поля брани...»

© Кивинов А. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Андрей Кивинов

Вертикаль

Порой так нестерпимо хочется поверить в чудо.

Когда, к примеру, видишь раскуроченные петли на дверях собственной дачной недвижимости. И замок, который валяется под припорошенной снегом скамейкой, словно боец, трусливо сбежавший с поля брани.

И первая мысль, конечно, о чуде – замок выпрыгнул из петель по собственному хотению, чтобы порезвиться на свежем снежке. А там, за дверью, все в порядке, все на местах, даже банки с маринованными грибами. Правая рука автоматически выводит крестное знамение – свят, свят, свят.

Но, увы, жизнь безжалостна, как палач, и чудеса случаются только в рекламе одноименного творожка.

Обеспокоенный глаз хозяина недвижимости узрел не только отсутствие банок с грибами, но и перфоратора, доперестроечного переносного телевизора «Электроника», финского набора дачных инструментов, подаренного супругой на сорокалетие, электрической бритвы «Браун» образца 1979 года, резиновых сапог и прочего имущества, список которого вряд ли уместился бы в школьной тетради. Белорусские обои, правда, сохранились, но не обоями едиными живут стены. Часы с кукушкой, зеркало с мозаикой и, наконец, картина собственной кисти. Теперь ничего этого не было.

Картина называлась «Ублюдок на Марсе». Масло, холст. Размер пятьдесят на семьдесят. Автор Верещагин. Но не Василий, написавший ужастик «Апофеоз войны», а Владимир Викторович, стоящий в настоящую секунду в центре опустошенной комнаты, словно крестьянин, пришедший жать рожь на Куликово поле и увидевший вместо колосьев скопище окровавленных, изувеченных тел. Однофамилец великого художника. Но и сам склонный к живописи. Имел в школе пятерку по рисованию и посещал два раза в неделю изостудию при доме пионеров. Но жизнь сложилась прозаично, и великим рисовальщиком Владимир Викторович не стал. «Ублюдок на Марсе» был его единственной серьезной работой, написанной прошлым летом прямо здесь, на даче, перед сараем. И не родился бы шедевр, кабы после ремонта дома не осталась краска. Трех цветов. Белая, зеленая и синяя. Но при смешении дававшая богатую оттенками палитру. И Верещагин решил пустить продукцию подмосковного завода лакокрасочных изделий на вечность, а не на дверь сарая или тот же парник. Иногда в любом из нас просыпается творец, причем, как правило, в самое неподходящее время.

На чердаке, среди старых деревянных ящиков, не выкинутых рулонов обоев и пустых банок обростал паутиной портрет в раме тезки – Владимира Ильича Ленина, оставшийся на память от прежнего хозяина дома, служившего когда-то в коммунистической номенклатуре. Можно было порубить раму на дрова, но, как любой человек, считающий себя в душе художником, Верещагин не смог поднять руку даже на конвейерное политическое творчество. Тем более что холст был качественным, а рама, сделанная из резного багета под позолоту, при легкой реставрации еще могла послужить людям. В то прекрасное время власти не могли позволить, чтобы портреты вождя обрамлялись дешевойкой.

Творец извлек вождя на свет, протер холст от пыли и муравьиных личинок, установил его на сколоченный из подручных материалов мольберт и принялся живописать, в качестве палитры используя фанерную крышечку от почтового ящика. Тема возникла как-то сама собой. Перспектива со стороны сарая открывалась эпическая – иван-чайное поле, березово-еловый лес, закатное небо с белыми ленточками, тянущимися за празднующими сверхзвуковыми истребителями, словно перегар за пьяницей. Вышка сотового оператора,

высоковольтная линия. Немного портила пейзаж куча мусора с воткнутой, словно флаг во взятую высотку, табличкой на лыжной палке: «Свалка бытовых отходов запрещена». Но ее можно игнорировать. Дальше, за леском, начинались поганые болота, где по ночам, со слов соседа Эдуардыча, вставали чьи-то тени.

Отбросив сомнения, Владимир Викторович приступил к творчеству. Легкими мазками плоской малярной кисти создавал шедевр. Ну, может, и не шедевр, но вещь, которой потом мог бы гордиться, а не прятать стыдливо глаза. Карандашных эскизов не делал – мешал Ленин. Но и без карандаша дело спорилось.

Через сорок минут основная стадия была завершена. Теперь вместо вождя мирового пролетариата на холсте красовался трехцветный с оттенками пейзаж кусочка Ленинградской области. Плевок в вечность.

Дочка, двадцатилетняя студентка юридического факультета, оторвавшаяся от подготовки к сессии, вполне благосклонно оценила отцовское начинание:

- А неплохо... Напоминает раннего Кандинского. Это Марс?
- Почему Марс? – обалдел отец, никак не рассчитывавший на подобные ассоциации.
- Потому что здесь пусто, как на Марсе.

С этим нельзя было не согласиться. Композиции, больше напоминавшей жовто-блакитный флаг, нежели пейзаж, явно недоставало яркого пятна, кульминации, за которую мог бы зацепиться привередливый зрительский глаз. Например, обнаженной женской натуры или хотя бы портативного ядерного взрыва. Той же кучи мусора, в конце концов, намекающей на природоохранную позицию автора.

Пока Владимир Викторович прикидывал, чем бы усилить полотно, из леска выполз тот самый сосед Эдуардыч с потрепанным брезентовым рюкзаком на спине, напоминавшим сдувшийся воздушный шарик. На ногах кеды, грязно-зеленые военные брюки с генеральскими лампасами, на верхней половине – желтая футболка, когда-то бывшая красной. Эмблема английского «Арсенала», номер «23» и фамилия «ARSHAVIN». В лес «ARSHAVIN» ходил не за грибами-ягодами и не траву с зайцами косить. Собирал оставшуюся после туристов-шашлычников стеклотару. Уважали всякие моральные уроды эти сказочные места. Костерок, мангал, водочка, природа, песни под гитарку про тех, кто в море. И разумеется, экологию не блюли. Где жрали свои вонючие шашлыки, там и гадили. И бутылки не вывозили, а складировали под ближайшим кустом. Хорошо, есть Эдуардыч – зеленый патруль. Брал рюкзак и на бескровную охоту. Найденную посуду мыл, погружал в старую детскую коляску и отвозил в приемный пункт. На полученные доходы покупал алкоголь и счастливо жил до следующих выходных. И природе хорошо, и ему.

Как его зовут и сколько ему лет, Верещагин не знал, а спросить стеснялся. Эдуардыч, и Эдуардыч. Сосед. Вот уже пять лет как соседствует. Возраст – чуть выше среднего, по характеру умеренный, но местами порывистый, до ураганного. Живет один, без семьи.

Профессия – собиратель народного эпоса.

В тот день, видимо, с эпосом не повезло. Минувшие выходные объявили рабочими, и народ шашлыками не злоупотреблял. Отсюда и результат – пустой рюкзак и, как следствие, соответствующее выражение лица. Слово у человека, идущего с похорон.

Именно эта одинокая трагическая фигура на фоне заката показалась Владимиру Викторовичу чем-то поэтическим и метафористичным. Вот он – маленький человек, ищущий себя в таком большом и непростом мире. И не находящий...

Словно специально, Эдуардыч остановился и оглянулся на лес. Вся его поза олицетворяла тоску. Замри мгновенье! Верещагин схватил кисть и увековечил соседа в масле. Собиратель получился темно-синим, словно расписной уголовник. Увы, сказалось отсутствие желтой и красной красок. Но ничего, изобразительное искусство и не обязано документально отражать правду жизни. А призвано передать эмоции и ощущения творца от живописуемого объекта.

Зато теперь пейзаж выглядел завершенным. И мог удовлетворить самого взыскательного критика.

Вторым после дочери полотно оценил сын, перешедший в десятый класс математической школы.

– А это что за ублюдок? – ткнул он пальцем в еще не засохшую фигуру соседа. Вернее, в его художественное воплощение.

– Какой тебе ублюдок?! – справедливо возмутился отец, пожертвовавший краской не корысти ради. – Это Эдуардыч.

– Ну, не знаю, – почесал бритый затылок отпрыск, – по-моему, не очень похож. Говорю ж, типичный ублюдок. Или снежный человек.

– Поменьше тарантиновскую стряпню смотри, – парировал Владимир Викторович, снимая холст с мольберта.

Затем он отнес пейзаж в большую комнату и торжественно повесил на стену, прямо над раскладным диваном постпенсионного возраста, но продолжавшим службу на дачных фронтах.

Таким вот незамысловатым образом основатель первого в мире государства рабочих и крестьян превратился в «Ублюдка на Марсе». Ничего не поделатъ, название прикипело мгновенно – первое впечатление самое сильное, и отвязаться от него практически невозможно. Все равно что переименовать собственного ребенка в пятилетнем возрасте.

О политической стороне вопроса Владимир Викторович не задумывался вовсе. Хотя он и воспитывался при советской власти, но никогда не считал Ленина эталоном мужской красоты.

Сейчас, рассматривая осиротевшую стену, он думал не о трагических последствиях демократизации общества, а о том, что беда не приходит одна, как банально это ни звучит. И все большие проблемы всегда начинаются с мелких неприятностей.

Первой неприятностью была утренняя ссора с женой. Поцапались, как всегда, из-за ерунды. То есть денежных знаков – честно заработанных, но до сих пор не полученных. Заработал, но не получил муж.

Работодатели, бессовестно прикрываясь мировым финансовым кризисом, переносили время справедливой расплаты на совсем уж неприличный срок. Супругу, в свою очередь, мало интересовали ссылки мужа на чужую совесть. Не дали, потому что не смог выбить.

– Что ж, мне бухгалтера в заложники брать? – оправдывался Верещагин.

– А на что мне продукты покупать?! – вопрошала в ответ жена. – Или в магазине оставлять расписки? И объяснять, что мой муж размазня?!

Владимир Викторович, не считавший себя размазней, намекнул, что семейный бюджет состоит не только из его доходов, чем усугубил ситуацию. Женщина, когда-то перед алтарем поклявшаяся любить законно выбранного мужа и в богатстве, и в нищете, теперь заявила, что не намерена терпеть дискриминацию по финансовому признаку и в ближайшее время постарается найти спонсора. После таких слов любой нормальный мужчина указал бы женщине на дверь ногой, но Владимир Викторович, третий десяток лет не снимавший обручального кольца, уехал сам, понимая, что за бравадой супруги ничего не стоит. И никакой спонсор на его дражайшую половину, как бы это грустно ни звучало, увы, уже не позарится.

Все обвинения в низком финансировании семейства он считал несостоятельными. Вон, его коллега, отставной военный, своих домочадцев заставляет рапорта писать на материальную помощь. Нужны жене, к примеру, колготки или дочке помада – будьте любезны – рапорт на стол. С обоснованием и суммой. Глава семьи рассмотрит и завизирует, если сочтет нужным. После покупки товарный чек сдается и прикладывается к рапорту для отчетности. Рапорта помещаются в специальную папку и хранятся вечно. Вдруг развестись захотят и раздел имущества затеять? У нас все учтено. С рапортом не поспоришь.

А Владимир Викторович почти ни в чем супруге не отказывает. Шмоток – и целого шкафа мало. Коробки с обувью с полок и антресолей свисают, подобно лавине, угрожая в любую секунду сорваться и похоронить под собой все живое, в том числе невинного кота. И обратно – виноват. Хорошо, хоть дача есть – можно на время скрыться от напрасных обвинений. Участок, к слову, тоже приобрел по женской прихоти, продав «хрущевскую» «трешку» покойной матушки.

Откопал свой старенький «опель» из снежных завалов – и в путь-дорогу. Заодно картошку из погреба привезет да грибков маринованных.

Вторая неприятность поджидала в засаде на подъезде к садоводству. Возле железнодорожного переезда, оборудованного автоматическим шлагбаумом, который, как выяснилось позже, был вовсе не автоматическим. Едва Верещагин пересек контрольную полосу, едущая впереди фура затормозила по неведомой причине и перегородила дальнейший путь. Не только «опелю», но еще четверке иномарок, двигавшихся следом. В результате все перечисленные транспортные средства, кроме фуры, оказались в опасной зоне. И, словно по заказу, предупредительные фонари замигали, шлагбаумы с двух сторон опустились, а из кустов выскочил инспектор ГИБДД с выражением попранной справедливости на широком лице и цифровым фотоаппаратом в руке. Фура тут же завелась и укатила, а пяти легковушкам инспектор жестом указал на обочину. Протестовать не имело смысла – фото на дисплее аппарата доказывало вину водителей на сто процентов. Машины на путях, шлагбаумы опущены, фонари горят. Лишение прав на полгода как минимум.

От предложенного офицером альтернативного варианта в пять тысяч карбованцев пришлось отказаться. Деньги – это ж не бутылки, в лесу не валяются. Имевшаяся в наличии сотня положение не спасла бы, поэтому Владимир Викторович про нее и не заикался. Как и про запасное колесо – единственно ценную вещь в его «опеле». В итоге протокол, повестка в суд и грустные перспективы ездить на участок на электричке.

Через сотню-другую метров за переездом он увидел ту самую фуру, двигавшуюся уже в обратном направлении. Надо ли говорить, что шлагбаумы снова были подняты, а фонари не мигали. Увы, тысячу раз прав был старина Плутарх, изрекший, что легче купить подержанный саван, чем встретить честного дорожного центуриона.

И вот теперь третий, юбилейный сюрприз. Первые пять минут однофамилец великого художника просто стоял в комнате и переваривал увиденное. Конечно, он слышал про набеги местных печенегов на садоводства, но, как всякий оптимист, успокаивал себя, что именно к нему не заберутся, а если и заберутся, то что тут брать? Оказалось, есть что. Даже диван попытались вытащить, да не смогли – дверь узковата. Владимир Викторович затаскивал его в свое время через окно.

Впрочем, что он мог предпринять для предотвращения агрессии? Решетки на окна повесить или дверь бронированную поставить? Захотят и дверь снимут, и решетки, и крышу. Чтоб хозяева не расслаблялись, чтоб дача виллой не казалась.

Немного отойдя от первых впечатлений, он придвинул диван обратно к осиротевшей стене и присел на него. И что теперь делать? Вызывать милицию? МЧС? Генпрокуратуру? Эдуардыч, в прошлом году тоже пострадавший от набега, говорил, что это пустое занятие. Не приедут, а если и приедут, искать не станут. Не интересно им, скучно и не романтично.

Кстати, об Эдуардыче... Он тоже иногда приезжает зимой, может, и сейчас здесь.

Верещагин оставил разоренную врагом недвижимостью, прикрыл не выполнившую своих обязанностей дверь и устремился к соседу.

Тот действительно пребывал на своих шести сотках. Расчищал от снега подходы к сараю, насвистывая песенку про влюбленного маркетолога. Заметив Верещагина, он отбросил лопату и раскрыл руки для объятий.

– Викторыч! Мать твою! – Аршавинская улыбка исказила лицо. – Глянь, сколько снега! А ты знаешь, что снег – это перхоть Господня?

– Хочешь сказать, что Господу пора помыть голову специальным шампунем? Здравствуй, Эдуардыч.

Мужчины пожали руки.

– А меня, кажется, обокрали, – поведал Владимир Викторович, показывая на свою территорию, огороженную заборчиком из старых покрышек.

– «Кажется» обокрасть не могут. Либо обокрали, либо нет.

– Тогда не кажется... Ты давно здесь?

– Вчера часов в десять вечера прибыл. С последней электричкой.

– Ничего ночью не слышал?

Эдуардыч с отчаянием футболиста, не попавшего в ворота с метрового расстояния, махнул рукой и скривился, словно ребенок от рыбьего жира.

– «Арсенал» ноль-два продул «Портсмуту». Аршавин не играл, травма. Ладно б, еще «Манчестеру» слили...

– При чем здесь «Арсенал»? Я про дачу спрашиваю. Дверь раскурочена, может, слышал, как ломают?

– Не-е-е, – покачал головой сосед, – век футбола не видать. Если б слышал, неужто б не вступился? Ружье-то с собой. Я сюда зимой без ружья не приезжаю. Они, гады, не посмотрят, что и хозяин дома... Но если честно... Я немного принял вчера. На свежем воздухе, ну и... Спал крепко. А что утащили-то?

– Все... Кроме дивана.

– Да-а-а... – трагически протянул сосед, словно речь шла о размерах бюджетной зарплаты, – совсем озверел народ. Жаль, смертную казнь отменили. Ну, пойдём, поглядим...

Как известно, человеку свойственна тяга к лицемерию чужого горя. Подмечено, если на кольцевой трассе возникает пробка из-за аварии, то на встречной полосе тоже начинается коллапс. Потому что водители притормаживают, дабы полюбоваться на происшествие, которое случилось не с ними. И чем страшнее авария, тем больше пробка. Но осуждать за это нельзя. Что естественно, то не безобразно.

Закинув лопату на плечо, Эдуардыч решительно направился к верещагинскому участку. Не дойдя до взломанных дверей, неожиданно остановился и кивнул на снег.

– А ломали-то этой ночью. Вон, гляди.

От калитки, в сторону леса прямо по сугробу тянулись следы полозьев и петляющие между ними отпечатки обуви довольно приличного размера. Оглушенный горем, Владимир Викторович поначалу не заметил столь очевидной улики. Хорошо, что сосед оглушен не был.

– А почему этой? – уточнил автор «Ублюдка на Марсе».

– Потому что вчера целый день шел снег, и, если бы тебя обнесли накануне, след бы засыпало. А этой ночью снега не было. Элементарно, Ватсон.

Новоиспеченный детектив нагнулся над следами, что-то прикинул и выдал очередную справку:

– Грабили двое. Высокий и маленький. Курят «Приму» без фильтра, любят семечки и женщин.

С семечками и «Примой» без фильтра было понятно – окурки и шелуха сопровождали колею. Но женщины?

– А кто ж их не любит? – пояснил мастер дедукции.

– И что посоветуешь?

– Да тут и советовать нечего... Погоди.

Он вернулся в свой дом и через минуту показался на пороге с двустволкой в одной руке и четырехзубыми вилами в другой. Подойдя к Верещагину, протянул вилы.

– Держи. Немецкие. Заточены под яблочко. Когда будешь бить, бери ниже сантиметров на пять.

– Кого бить? – подрастерялся начинающий живописец.

– Кого словим, того и будем бить... Далеко гады не ушли. – Сосед переломил ружье и вставил в стволы по мощному патрону. – Чувствую, меня они же в прошлом году ограбили.

– Так, может, милицию вызвать?

– Не приедут... А если и приедут, то не скоро. По таким-то сугробам. Не волнуйся, Викторыч, сами справимся. Картечи у меня много. На всех с горкой хватит! Всухую раскатаем!

Откуда у Эдуардыча ружье, Верещагин не уточнял. Какая разница? Может, он член общества охотников и рыболовов.

– Эге-гей! За «Арсенал»! За Венгера!¹ – Охотник пригнулся к следу полозьев и, словно борзая, помчался вперед со скоростью хорошего биатлониста.

Владимир Викторович бросил взгляд на приоткрытую дверь, решил, что воровать у него все равно больше нечего, махнул рукой и, придерживая вилы, словно копье, устремился следом. Бежать ему было труднее, чем соседу, – обычные ботинки менее приспособлены для сугробов, нежели валенки с калошами. Плюс последствия сидячей работы – дыхание сбилось после первого десятка метров. Но он не сдавался, понимая, что страдает за личное имущество.

В некоторых местах след пропадал, но шелуха от семечек подсказывала направление. Похоже, воришки дилетанты. Они б еще визитки через каждые пять метров раскидывали. Или стрелочки рисовали на снегу. Одним словом, не индейцы.

Вообще, так получалось, что за свою сорокачетырехлетнюю жизнь Владимир Викторович всего во второй раз столкнулся с реальным криминалом. Первое столкновение случилось в середине прекрасных девяностых при весьма анекдотических обстоятельствах, хотя на тот момент было не до смеха.

¹ Арсен Венгер – тренер лондонского футбольного клуба «Арсенал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.